

Мотрошилова Н.В.

доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; сектор истории западной философии. E-mail: motroshilova@yandex.ru.

Татаренко Н.А.

кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии Российской академии наук, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; сектор истории западной философии. E-mail: nataliya.koreneva@gmail.com.

Антиномии в развитии философии советского периода Интервью с Н.В. Мотрошиловой

Аннотация: Вниманию читателей предлагается интервью с профессором Нелли Васильевной Мотрошиловой, крупнейшим специалистом в области немецкой классической философии, феноменологии, истории русской философии XX в. Важное место в ее исследованиях занимает изучение взаимодействия зарубежной и российской философской мысли, одним из результатов которого стала книга «Отечественная философия 50–80-х годов XX в. и западная мысль» (2012 г.) и представляющая собой интереснейший анализ тех противоречивых событий, которые происходили в советской философии указанного периода и духом которых проникнуто данное интервью. Нелли Васильевна делится воспоминаниями и размышлениями об аспирантских годах; о работе в Институте философии и коллегах; о зарубежных научных командировках и связанных с ними коллизиях, иллюстрирующих ситуацию в академической философской среде эпохи Советского Союза; об антиномии между господствовавшей идеологией и успешным развитием философских исследований в нашей стране. Интервью провела Наталия Татаренко.

Ключевые слова: История философии, философия советского периода, Институт философии РАН, гегелеведение в России, Гегелевский конгресс, Н.В. Мотрошилова.

Существует мнение, что ученый-философ – это, главным образом, «кабинетный» работник, человек, который проводит практически все время за рабочим столом или в учебных аудиториях. Конечно, изучение научной литературы, написание текстов, перевод и преподавание – как правило, основные занятия профессионального философа. Однако данная профессия включает в себе такое же многообразие видов деятельности, как многообразна и сама мировая философская мысль, и сама жизнь. Нелли Васильевна Мотрошилова, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, в 1986–2013 гг. – заведующая сектором истории западной философии и отделом историко-философских исследований, лауреат премии Фонда Александра фон Гумбольдта, кавалер Ордена «Bundesverdienstkreuz am Band» (ФРГ), крупнейший специалист в области немецкой классической философии и феноменологии, исследователь творчества И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Х. Арендт, Вл. Соловьева, Л. Шестова и Н. Бердяева, автор наиболее авторитетных монографий и исследований по различным областям историко-философского знания. Наконец, вот уже более тридцати лет Нелли Васильевна – бессменный главный редактор «Историко-философского ежегодника». Для наших читателей Нелли Васильевна впервые рассказывает об интереснейших вехах своего пути к званию одного из крупнейших историков философии в России.

[Н.А. Татаренко] *Нелли Васильевна, расскажите, пожалуйста, о начале Вашего пути, о первых годах в Институте философии. Вы ведь выпускница Московского университета, а диссертацию защищали в Институте философии. Как получилось, что Вы, обладательница «красного» диплома, не сразу по окончании МГУ поступили в аспирантуру Института?*

[Н.В. Мотрошилова] Все в жизни наших поколений студентов МГУ было непросто. В 1956 г. по окончании философского факультета МГУ я получила диплом с отличием, а также рекомендацию в аспирантуру от научного руководителя своей дипломной работы профессора В.Ф. Асмуса и от профессора Ю.К. Мельвиля. И вдруг приходит новость: для поступления в аспирантуру по философии нужен стаж работы по специальности. А работы по специальности для выпускников не было!

И все же мне повезло – правда, не с поступлением в аспирантуру, а с возможностью профессионализации: я получила приглашение ра-

ботать в Библиотеке иностранной литературы (ВГБИЛ), где по большей части трудились интеллигентные, профессиональные сотрудники. И моя конкретная работа тоже была для меня удачей. В ВГБИЛ тогда выходил «Сводный бюллетень новых иностранных книг», поступавших во все библиотеки страны (они передавались на время в ВГБИЛ для аннотирования). И вот на мой рабочий стол ежедневно ложились книги, которые нужно было кратко аннотировать *de visu*. Так я, в самом начале профессионального пути, получила ценнейшее представление о новейших тогда зарубежных философских публикациях! Само собой разумеется, следовало совершенствоваться в знании иностранных языков.

Когда в 1959 г. я, наконец, смогла поступить в аспирантуру Института философии, то и тут было немало внешних трудностей. Сдав на пятерки все экзамены, уже имея печатную работу, я не вдруг была принята в аспирантуру ИФ РАН. Все вопросы приема решал тогда ученый секретарь Г.В. Осипов. Он, видимо, колебался в том, как отнестись к моей кандидатуре. Словом, никак не могли решить, кого же принять в аспирантуру Института философии. И вдруг Осипову пришла в голову идея позвонить моему научному руководителю в МГУ Валентину Фердинандовичу Асмусу. Он спросил Асмуса, каково его мнение об одной из поступающих в аспирантуру Института (назвав мою фамилию). Асмус говорит: «Ну так вы ее, конечно, приняли?» А Осипов отвечает, что вот они сейчас как раз и размышляют об этом. «Так берите ее поскорее!» – сказал Асмус (как мне передавали). И после этого меня приняли в аспирантуру Института философии. Что происходило дальше – тоже целая поэма.

Нелли Васильевна, а в какой сектор Института Вас приняли, когда Вы только поступили в аспирантуру?

А как Вы думаете, назывался сектор, в который я попала? Не догадаетесь. Он назывался «Сектор новых форм труда и быта»! Осипов говорит мне: «Если Вас возьмет в качестве своей аспирантки заведующий этого сектора Юрий Павлович Францев, член-корреспондент Академии наук, то тогда мы Вас зачислим».

Юрий Павлович Францев получил великолепное образование. Он был профессиональный египтолог, умел расшифровывать египетские рукописи. Но потом он пошел по другому пути – стал кандидатом в члены в ЦК. А в то время, о котором идет речь, возглавлял Академию общественных наук. Одновременно он руководил также и этим сектором “новых форм труда и быта” в Институте философии

(видите, какие чудовищные рождались сочетания?!). Мне надо было с ним поговорить. Я его ищу в Институте, и вижу: он бежит по коридору, а его преследует одна дама (как выяснилось потом, это была несчастная, выжившая из ума женщина, а в то время она боролась за чистоту категорий исторического материализма). И вот она бежит за Францевым, а он от нее просто удирает. Она кричит: «Вы не понимаете категорий исторического материализма!» А он ей – на бегу – отвечает: «Матушка, не понимаю, не понимаю!» И потом я вижу, что Францев, обессиленный, сидит в кресле где-то в коридорчике. Я к нему подошла и тихим голосом сказала: «Юрий Павлович, извините, пожалуйста, у меня есть одна просьба...» Он мне говорит: «Все, что угодно!». После этого меня зачислили в аспирантуру...

И вот я начала писать диссертацию о теориях активности субъекта (на примере феноменологии Э. Гуссерля и социологии познания). Это была труднейшая специальная тема. В ней – начало всех моих последующих и сегодняшних занятий феноменологией, социологией познания и науки.

Я принесла – конечно, позже – на прочтение Францеву часть диссертации. Францев прочитал и говорит, что теперь понимает, что такое феноменология Гуссерля. «Это очень почтенная вещь», – помнится, сказал он, и я про себя мысленно перекрестилась. «А вот что такое социология познания, – продолжает он, – я не знаю». И предлагает или поменять тему, или поменять научного руководителя. Я ответила, что тему изменить не могу. Да и руководителя мне тоже менять нежелательно, потому что тогда я вообще могу не закончить аспирантуру. Он подумал и предложил: «Давайте так договоримся: Вы за ближайший месяц или два напишете 100 страниц про социологию познания. А я посмотрю, что это такое». Я написала – так, как я тогда могла написать – о социологии познания. Это мне было в принципе нетрудно, потому что я к тому времени уже обдумала ту часть диссертации. А Францев сказал, что через месяц или полтора прочет, ибо сейчас у него очень мало времени и т.д. и т.п. Но буквально через неделю раздается звонок от его секретарши: «Вас приглашает Юрий Павлович». Я (ни жива, ни мертва) прихожу к нему. Сейчас есть высотное здание на Красной Пресне, а налево от него по Садовому кольцу было большое помещение Академии общественных наук. Там Францев был большой начальник – кругом все ходили на задних лапках. И он мне говорит: «Ну знаете, задали Вы мне урок! Я все время только Вашу диссертацию и читаю». Потом сказал: «Знаете,

это золотая жила, и Вы будете всю жизнь из нее черпать». Думаю, тот факт, что этот человек изначально Египтом занимался, что-то да значил...

Так и приходилось работать: сначала был написан раздел о социологии познания (тогда это был совершенно неосвоенный в России материал), а потом я переключилась на раздел о феноменологии Гуссерля.

Проходила диссертация трудно. Тогда нужно было получать отзыв от так называемой «третьей» организации (да ведь и сейчас это же сохранилось). Мою диссертацию отправили в Плехановский институт, и попала она в руки человеку с известной тогда фамилией – профессору Быховскому. Мне честным образом показали проект отзыва – и я ахнула. Рецензент написал: главный недостаток диссертации в том, что автор «повернут спиной к опыту бригад коммунистического труда». Получив этот проект отзыва, я пришла в наш сектор и спрашиваю коллег: «Что мне делать-то с этим? Это просто анекдот какой-то!» А коллеги мне говорят: «Нет, это не анекдот. В большом Ученом совете Института есть гнусные люди; и они воспользуются отзывом, чтобы твою диссертацию похоронить». Кто-то мне напомнил, что в Плехановском институте заведует кафедрой философии довольно интересный, колоритный человек по фамилии Карпушин. И сказали, что поговорят с Карпушиным. Карпушин затребовал у Быховского тот отзыв, переписал его так, что никаких упоминаний о бригадах коммунистического труда в нем уже не было. Но по Институту весть уже распространилась. И положительное голосование на защите я получила с натяжкой. Вот так мы жили!

Кандидатскую диссертацию я защищала, когда уже была в секторе диалектического материализма. Там же тогда работал мой университетский педагог Э.В. Ильенков. Мы с ним очень дружили, сотрудничали. В этом же секторе работал и Батищев, и другие интересные коллеги. Но нужно понять: немного позже, может быть, ближе к 80-м гг., борьба, напряжение стали рассасываться. Ибо в Институте философии реально произошла постепенная консолидация совсем других – не догматических, а творческих – сил.

А как Вы все-таки попали в сектор истории философии?

В секторе диалектического, а потом исторического материализма я продолжала заниматься социологией познания; написала книгу «Наука и ученые в условиях современного капитализма», благодаря которой стала работать в сфере современной социологии науки (над

так называемой Science Policy) – я и до сих пор всем этим занимаюсь. Science Policy у нас неверно переводят как «научная политика». А я разъясняю, что это *политика в отношении науки*, которая, кстати, может быть просто антинаучной. Б.С. Украинцев, который был тогда директором Института, решил этот сектор разогнать. Поводом стало то, что один очень талантливый человек, который у нас работал, уехал в Израиль. И все это посыпалось на замечательного, честного человека В.Ж. Келле. Сектор разгромили, разогнали. Нас – Эрика Соловьева, Арсения Гулыгу и меня – «сослали» в сектор истории философии, к Теодору Ильичу Ойзерману. Какое благодеяние нам оказал Украинцев – он даже о том не подозревал! Мы, наконец, пришли туда, где и должны были работать! Теодор Ильич отлично отнесся к этому перемещению; он по сути дела разрешил нам делать то, что мы хотим и можем, притом относясь к нам с полным уважением. Одним словом, началась работа в секторе истории философии. Там тоже были разные периоды и этапы – тоже непростые, но не имеющие отношения к самому содержанию нашей работы, наконец, по нашей историко-философской специализации.

Не могли бы Вы немного рассказать о жизни Института философии в советские годы?

Это были такие противоречивые годы – не передать, не пересказать! И многое было абсолютно типично для гуманитарных Институт советского времени. Я написала об этом периоде книгу, чтобы ответить на главный вопрос: почему и как получилось, что тогда были написаны и к тому же увидели свет лучшие работы так называемой философии советского периода. Почему и как получилось, что было очень много людей, которые работали уже не по тогдашним официальным правилам? Я написала, что для этого периода, примерно с 60-х годов, была характерна антиномия. И то была *живая антиномия*, которая все пронизывала. Одной стороной этой антиномии было «советское», «марксистское» – и все тут существовало всерьез. Многочисленные документы, люди, группы, постановления... Хуже всего было с теми рамками, в которые надо было попадать, если ты защищаешь диссертацию. Обязательно нужно было сослаться на какое-нибудь решение Съезда или Пленума ЦК КПСС. И все это долго продержалось... Один пример: защищает диссертацию молодой человек, психолог, и он должен был где-то в начале сослаться на решение последнего Съезда КПСС. Как бы предполагается, что там обязательно что-то близкое говорилось к проблемам психологии. Один из присут-

ствующих у него на защите, очень въедливый человек, попросил слова и сказал: «Вот Вы ссылаетесь на такие-то решения, а там речь идет про крупный рогатый скот...» Тогда это не вызвало ничего кроме смеха собравшихся. Но годами раньше – кто знает, что бы могло случиться. Ибо это все и было на таком уровне: написал – отделался. Другая же сторона антиномии состояла в том, что уже можно было, и с немалым успехом, последовательно, заниматься своим делом. И притом – были уже внутри институтов – крепкие, хорошие сообщества.

Я об этом уже как-то рассказывала, приведя в пример обсуждение моей первой книги о феноменологии. Обсуждалась она в секторе критики антикоммунизма. Заведовала им Елена Дмитриевна Модржинская, которая пришла к нам в Институт после того, как ее уволили с поста... заведующей референтурой у Берии, представляете? Но она великолепно знала языки, поэтому ее и “спустили” к нам.

Модржинская сразу выступила и сказала, что она не пропустит мою книгу. А потом выступили все члены сектора, человек десять, которые сказали: “Мы принимаем эту книгу”. Бородай (первый муж Пиамы Павловны Гайденко), очень интересный философ, в то время заведовал редакцией в издательстве «Высшая школа». И он как раз способствовал опубликованию таких книг – и Эрик Соловьев там опубликовался, и Пиама Гайденко, и я. Я не особенно горжусь своей первой книгой, но возможно, она по тем временам была в чем-то полезной.

Самые плохие периоды у нас наступили, как это ни странно, совсем незадолго до перестройки – в годы правления (после освобождающих периодов директорства П.В. Копнина и Б.М. Кедрова) Б.С. Украинцева. Его сняли только в 1983 году. И перед этим он совершил очень много всяких гнусностей. Например, он и его клика все время выписывали каких-то людей, которые приезжали из провинции и клевали Ильенкова. Ильенков был из-за этого в нестабильном состоянии. Приехал откуда-то из провинции человек по фамилии Петух – у нас говорили, что он приехал как раз-таки клевать Ильенкова... Все время носился слух, что скоро, скоро Украинцева снимут. И вдруг: что вот завтра на Отделении философии и права его будут снимать. Ильенков пошел на это заседание. И когда он убедился, что Украинцева не сняли, он пришел домой и перерезал себе горло. Вот как это было. Время порой было по-настоящему трагическое. И упомянутая антиномия работала так, что все это плохое, скорее, отражалось на

наиболее ярких личностях. Но у нас тем не менее уже была своя – и более благодатная – среда. Ты пишешь книгу – и знаешь, кто ее будет читать и обсуждать, рассчитываешь на этих людей, и они рассчитывают на тебя... Когда обсуждали мою книгу, кто ее обсуждал? Это были Дробницкий, Кузьмина, Баталов, Мара Степанянц – один специалист другого лучше! Ведь они уже были настоящие, крепкие философы-профессионалы.

Одно время, еще до Украинцева, директором Института философии был академик Ф.В. Константинов, член ЦК. И как-то прославился тем, что проехался по Советскому союзу и – по пути – наслаждался цветущими в полях васильками. И не нашел ничего лучшего, как публично выступить по этому поводу (этот по-своему наивный, прекрасодушный человек, мало что понимавший в философии, за любовование васильками получил какой-то официальный втык). Как-то на заседании, где Модржинская, по своему обычаю, устроила идеологический разнос в адрес молодых, Константинов ей сказал: «Елена Дмитриевна, Вы оглянитесь вокруг, посмотрите на лица этих людей. Они думают совсем не так, как Вы и я. И им, – вдруг сказал он торжественно, – принадлежит будущее!» Представьте себе эту идейную череполосицу!

Но я утверждаю, что была и вторая сторона антиномии. Применительно только к истории философии я выписала в своей книге «Отечественная философия 50–80-х годов XX в. и западная мысль» не менее ста пятидесяти фамилий лучших историков философии. И это были прекрасные профессионалы, да и до сих пор их труды читают, изучают. Точно так же было и в социологии, гносеологии, логике. В общем, под конец было так – и это было везде: одни строчили доносы, а другие работали в философии. Надо было и в этих условиях научиться добротнo работать, писать. И это получалось! А главное – существовали творческие сообщества!

Одно время мы выступали на телевидении. Там была программа «Философские беседы». А потом мы познакомились с человеком, который вел другую программу. И он мне говорит: «Вы в Институте философии работаете?» Я говорю, да. «А Вы знаете там такую Тамару Длугач?» Я говорю, знаю, и очень близко. Он говорит: «Она – талантливейший рассказчик!» И это мне сказал человек, который работает на телевидении! И действительно, Тамара Длугач может и сегодня говорить об истории французской или немецкой философии так, как будто она сама была где-то там. Она дивно читала лекции, ее

обожают ребята, которым она читала историко-философский курс. Потому что она ничего не говорила кроме того, что сама поняла, осмыслила. А это во многом благодаря тому, что с молодости она работала в группе В.С. Библера. Это была группа очень талантливых людей, о которой очень хорошо может рассказать Светлана Неретина. Я недавно написала статью, в которой обращаюсь к работам творцов теории диалога – Бахтина и других. Чем они жили? Они жили тем, что общались друг с другом.

Для «Russian Studies of Philosophy» я написала специальный опус об Эрихе Юрьевиче Соловьеве, подзаголовком которого – «Опыт коммуникативной социологии познания». Ибо все центральные фигуры философии советского периода – не одиночки; вокруг них образовались блоки профессиональной работы. И кто-то из них общался с другой группой, кто-то – с третьей. Одним словом, шло объединение профессиональных, а также личностных интересов. И эти ячейки выживали. Так это и было. А выживали они почему? Очень простая вещь, я даже одному таксисту сумела это объяснить (в ответ на его вопросы). Оказалось, что он преподает какой-то вид борьбы. Я его спрашиваю: скажите, когда какой-то человек придет к Вам учиться спортивной борьбе, Вы о чем будете думать – что у него красивые глаза или что с ним выпить хорошо? Вы будете думать: как он умеет бороться? То есть, как он этой профессией владеет или способен овладеть? И Вы будете подбирать себе именно таких людей. Он это моментально понял и привел свои, интересные аргументы.

Нелли Васильевна, а как Вы стали заведующей сектором истории западной философии? Как происходила тогда процедура назначения?

Теодор Ильич в какой-то момент сказал: «Неля Васильевна, я буду ходатайствовать о том, чтобы Вы сменили меня на посту заведующего». Я согласилась, но и не подозревала, сколько уже в начале пути возникнет трудностей.

Через некоторое время Теодор Ильич ведет меня представлять к заведующему Отделением философии и права; это был человек по фамилии Егоров. Его лично, конечно же, интересовали его продвижения по линии ЦК... Он занимался эстетикой; более несовместимого с эстетикой человека, чем он, я не припомню. И вот пришли мы к нему. Он смотрит на меня и говорит: “Ну что, Вы согласны быть заведующей сектором?” Я отвечаю, что Теодор Ильич это предлагает и аргументы его меня убедили. Егоров говорит – уже и мне, и Теодору

Ильичу: “Вот я чего не люблю, так это когда женщины мною руководят. У меня на фронте была начальница...” – и последовали воспоминания. Такая вот история.

Расскажите, пожалуйста, о Вашей первой поездке за границу в качестве научного сотрудника Института философии. Что это было за мероприятие?

Моя первая поездка за границу состоялась в 1964 году. Это был Гегелевский Конгресс в Зальцбурге. Помню, что и Ильенков тогда в первый раз выезжал за границу. Пригласили нас, чтобы мы поехали в составе делегации. Возглавлял эту делегацию Иовчук (это был человек, который сказал, что он меня не пропустит в члены Академии: «Только через мой труп», - изрек он). А он был член-корреспондент в Академии и кандидат в члены ЦК. Вреднейший тип, подлинно «советский философ» – только он был в доску советский и ни в коем случае не философ. Я все время пишу и говорю сейчас, что сам термин «советская философия» совсем не годится, потому что те, которые – как он, Иовчук, – были «советскими», к философии не имели никакого отношения. А вот в нашей упомянутой группе, поехавшей на Конгресс в Зальцбурге, на первые, именно философские места я ставлю Ильенкова и Гулыгу. Это вообще абсолютно легендарные фигуры. Про Ильенкова много уже написано и сказано (и в том числе и я сама писала о том, как мы у него учились – он был одним из лучших преподавателей).

Именно Иовчук возглавил делегацию на Гегелевский Конгресс от нашей страны?

Да, именно он. Это моя первая заграничная поездка – и первая поездка сразу на Гегелевский конгресс. И не куда-нибудь, а в Австрию. У Эриха Юрьевича Соловьева есть по этому поводу замечательный критико-сатирический текст: «Дневник участника Гоголевского конгресса». Что в нем было?

«Вчера позвонили из Большого дома

Говорят, надо ехать на Гоголевский конгресс в Австралию.

Посоветовался с Ньюшей – решили: еду.

Опять позвонили. Оказывается, Конгресс будет не Гоголевский, а Гегелевский,

И не в Австралии, а в Австрии.

Посоветовался с Ньюшей – решили: все равно еду».

Так вот, те, которые «советовались с Ньюшей» – и кому звонили «из большого дома» – в делегации тоже были. Но почему взяли нас? Мы, например, ехали на Гегелевский конгресс и сами не очень ясно понимали, почему нас взяли – Гулыгу, Ильенкова, меня. Оказывается, так они, «Иовчуки», задумали: мы, молодые, должны ходить на Конгресс, а в конце дня рассказывать, что там происходило. «Иовчуки» ничего из этого не понимали. Для нас это было даже хорошо. Мы слушали все внимательно. А как приходим с Конгресса – «Иовчукам» рассказываем. Наконец, наступает последний день, когда нам нужно возвращаться в Москву. И вот нас собирают и рассказывают нам о том... что было на Конгрессе! Причем главный их вывод: “мы” (т.е. они) всех победили, всех завлекли в марксизм и так далее. Оставалось раскрыть глаза: ведь “Иовчуки и Ко” до вечера не знали, в чем и кого они убедили! Мы очень разволновались; первое побуждение было – в Москве рассказать правду. Но потом Эвальд сказал: «Зачем нам на этих дуболомов обращать внимание? Мы тогда вообще никогда больше не поедem за границу». И вот раздумываем, что делать. Но, знаете, что нас выручило? Выручило то, что никто нас нигде и не думал выслушивать. Гулыга написал шарж про коллективный труд, который создается всем Институтом. И там были особые заголовки. И была вписана такая тема для русского сектора: «Роль русской девки Пелагеи в “Критике” Канта слева и справа» (это, вспомните, та Пелагея, которая не знала, где левая, а где правая сторона). Потом: «Евламий Одноглазый и его школа». И нам это все Арсений читает в отеле. Короче говоря, мы так радовались, мы были так счастливы, что поехали вместе! Когда мы приехали в Москву, у нас у всех было, с одной стороны, гадкое чувство, что нас просто использовали. Но потом поняли, что иначе «дома» в то время и не могло быть. Но главным для нас было и оставалось другое: на этом и других Конгрессах мы непосредственно знакомимся с западной философией! Например, я тогда познакомилась с двумя-тремя западными классиками гегелеведения, прежде всего, с Жаном Ипполитом. А Жан Ипполит был один из тех самых известных французских авторов, которые после войны писали о Гегеле.

Вы посетили огромное количество различных конференций, но есть ли какая-то поездка, которая Вам особенно запомнилась?

Была одна необычная поездка. В 1974 году я неожиданно получила приглашение от ICOM (The International Council of Museums).

Должен был состояться очередной конгресс. Я понимала, что это будет необычное мероприятие, но насколько оно было необычным – не могла себе даже в самом прекрасном сне представить. А условие Конгресса было очень любопытным: докладчикам надо было говорить о будущем музеев; но в качестве докладчиков на тот Конгресс пригласили не-музейщиков! То есть должны были выступать специалисты из каких-то других областей. Так получилось, что мне предложили поехать в Копенгаген и что-то рассказать о музеях. Я взяла такую общую тему: «Музей и будущее». Сейчас уже, честно говоря, не помню в деталях, о чем конкретно я там рассказывала, но что-то сфантазировала о возможном будущем музеев. В результате оказалось, что само мероприятие было одним из самых чудесных событий в моей жизни. Во-первых, ни в одном городе я не увидела столько потрясающих музеев (делегатам этого Конгресса можно было ходить во все музеи бесплатно). Более того, все неформальные встречи тоже происходили где-нибудь в музеях. Сейчас расскажу подробнее.

Оказалось, что вся музейная деятельность в тогдашней Дании – под патронажем датской Королевы Маргериты. Она тогда была молоденькая, очень хороша собой, с потрясающей фигурой. У меня есть фотография, на ней запечатлен зал: в центре сидит Королева, рядом с ней, согласно правилам церемониала, – ее придворная статс-дама, а еще статс-офицер. Вокруг, по периметру, сидели докладчики и важные персоны Королевства. Меня посадили так: с одной стороны сидела дама, глава министерства, а с другой стороны сидел банкир. Помню впечатляющую пару – директора военно-морского музея и его жену. Я потом была у них в гостях; абсолютно изумительный был у них в доме прием.

Сначала свою речь произнесла Королева. Она говорила по-французски. Потом были доклады. Я сделала свой доклад тоже по-французски (тогда я немного лучше его знала). В докладе я фантазировала: что можно предположить в будущем музеев – какие они могут быть? Подробностей сейчас не помню. Но помню, что одно из критических замечаний было такого рода: я слишком увлеклась каким-то туманным будущим. И вдруг встает человек, который говорит: «Вы извините, но мы уже предпринимаем кое-что именно в сходном направлении». Потом я узнала, что это был директор Вашингтонского музея! Так что, видимо, не все то, что мне виделось, было фантазией. Да и вообще: идешь по зданию, где происходит заседание – а к докладчикам относились очень уважительно – кто-нибудь обязательно подойдет и представит участников: «Пожалуйста,

познакомьтесь, это директор Лувра. Познакомьтесь, это директор музея Прадо».

Должна была поехать директор ГМИИ им. А.С. Пушкина Ирина Александровна Антонова. Но так случилось, что в ее музей именно в это время привезли одну даму, а именно «Мону Лизу» Леонардо да Винчи! Ирина Александровна никак не могла покинуть Москву.

В общем, то была наисветлейшая иностранная поездка в моей жизни. Объединилась какая-то группа: мы вместе бродили по Копенгагену, и можно было зайти в любой музей. Очень хорошо помню, например, музей старинных музыкальных инструментов. Там можно было поиграть на любом из этих инструментов. И еще очень хорошо помню Музей-театр. Это старинный театр, который поддерживали в историческом состоянии, не отклонившись ни на одну запятую; и одновременно это был действующий музей.

И еще об одном моем чисто личном философском впечатлении. Я гуляла по Копенгагену, искала памятник Кьеркегору. И долго не могла его найти; а найти очень хотелось. Но когда я, наконец, на него набрела, то плакала около него. Памятник – невероятно выразительная фигура, в которой воплотилась вся трагическая жизнь Кьеркегора. А к тому времени уже была читана-перечитана мною потрясающая книга Пиамы Павловны о Кьеркегоре – «Трагедия эстетизма». Вообще это одна из лучших книг, которые были написаны в советское время. И, наконец, самый последний штрих. Мы ходили по разным музеям – а там много маленьких музейных городков, например, голландская община. Там сохранились старинные дома, где нельзя и ключ изменить – настолько все строго регламентировано. Был еще заключительный банкет: он состоялся в Музее арсенала. Среди огромных пушек были расставлены столы с разными яствами. И, надо сказать, что в жизни – ни раньше, ни позже – я не ела таких экзотических яств: какие-то невероятные фрукты, сыры... И после в этом Музее арсенала можно было танцевать. Убрали столы с едой, звучала музыка, и мы действительно танцевали. Одним словом, это была совершенно удивительная поездка.

В одном из рассказов о прошлом Вы упоминали о том, что даже начинали изучать санскрит. Но затем Ваши исследования были сосредоточены вокруг западной и русской философской мысли. Довелось ли Вам лично познакомиться с восточной культурой?

Вторая моя поездка 1974 года была как раз в Индию. От нее у меня тоже осталось много великолепных впечатлений. Не буду расска-

зывать, как именно я попала в эту группу. Был международный съезд, я уже не помню, как он точно назывался – International Alliance of Women, что-то в этом роде. Главой Альянса в самой Индии была Индира Ганди, поэтому она открывала Конгресс. И у меня есть фотография, на которой она приветствовала меня как представителя нашей страны.

Мариэтта Тиграновна Степанянц отправила письма в Индию к индийским женщинам, своим друзьям, с просьбой, чтобы они меня опекали. Мара раньше в Дели жила и работала. Ее знакомые женщины тепло меня принимали. Притом я поняла, что это были поистине самоотверженные женщины, полностью посвятившие себя служению другим людям. Так, наверное, бывает только в Индии. Важен факт, что я была им представлена Марой, ибо Мара была там той светлейшей личностью, которую все они знали, любили – да просто обожали!

Еще в 1974 году я поехала в туристическую поездку, и попала в Швецию – в первый и в последний раз в своей жизни. Это была турпоездка от общества «Знание». Приехала я, рассказываю своему мужу, а он говорит: «Что-то ты разъездилась». Как в воду глядел!

То есть после этого Вы какое-то время не выезжали за рубеж?

Да. А случилось следующее. Поступает мне приглашение – и не куда-нибудь, а в Париж. И тоже очень хорошее, интересное приглашение. Причем приглашение было за подписью Валентины Терешковой. Поскольку я уже съездила в Индию по линии женских организаций, она хотела, чтобы я поехала снова, на этот раз во Францию. Но вот тут-то проявил себя наш директор по фамилии Украинцев. Ему сказали о приглашении – а тогда нужно было, чтобы директор согласился «отпустить» сотрудника: иначе нельзя было поехать; кроме того, давалась партийная характеристика. Так вот, как мне передали, он кому-то сказал: «Только через мой труп». И одна моя знакомая из Комитета советских женщин мне поведала: Терешкова позвонила Украинцеву и попросила дать мне рекомендацию, а Украинцев ей отказал. И эта женщина из Комитета советских женщин мне рассказывала: «Вы знаете, я впервые увидела у Валентины на глазах слезы, потому что это первый и, наверное, последний раз, когда ей кто-то в чем-то отказал». А Украинцев вообще был ужасный человек. В общем так: с этого дня – то есть с того дня, когда он ответил «нет» на просьбу Терешковой – а это, как сказано, вообще было что-то из ряда вон выходящее – я не имела возможности ни разу выехать за границу

в течение семи лет – до 1981 года! 1981 год – это первый год, когда я снова, после перерыва, поехала на Запад.

Нелли Васильевна, а куда Вам довелось поехать в командировку после семилетнего перерыва?

Я поехала на Гегелевский конгресс в Штутгарт. Это город, где Гегель родился. Огромную роль в моей дальнейшей работе сыграли зрительные впечатления от «гегелевских мест». А еще – встречи, о которых не забудешь. В Штутгарте я впервые увидела и услышала Юргена Хабермаса! Был также счастливейший, уникальнейший случай – пообедать в компании вместе с Гадамером и пообщаться с ним. И встретить друзей-гегелеведов из разных стран! Была на Конгрессе, к счастью, и целая группа наших гегелеведов!

Посетила я в Штутгарте и гимназию, в которой некогда учился Гегель – теперь в ее деятельности это главный исторический факт. Hegel-Vereinigung помогло мне и другим нашим философам посетить города, связанные с жизнью и деятельностью Гегеля – Гейдельберг и т.д. Поездка была выдающаяся – насыщенная, профессиональная, не говоря уже об общении с лучшими гегелеведами всего мира.

А бывали у Вас совместные научные поездки вместе с Юрием Александровичем Замошкиным? Вы долгое время занимались социологией науки, а он был крупным специалистом в области социологии.

Юрий Александрович Замошкин, мой муж, был профессор философии, читал лекции по истории философии, сначала, в основном, индийской. Он тогда увлекался восточной философией. А потом он стал одним из тех людей, которые и у нас утвердили в правах социологию. Замошкин – и это не только мое мнение – был подлинно свободный человек. Он закончил МГИМО, а потом именно социологии учился в Гарварде. Алексей Шестопал, до недавних пор заведующий кафедрой философии в МГИМО, был учеником Юры. Потом он работал в Институте США и Канады, где заведовал отделом. Мы вместе ездили на Социологический Конгресс в Болгарию. Я поехала в туристической группе, а Юра был в составе делегации. И на Конгрессе он меня познакомил с двумя выдающимися социологами, у которых сам учился в Америке – с Толкоттом Парсонсом и Робертом Мертоном. Это был период, когда в СССР осуществляли – вместе с американцами – «разрядку» международной напряженности. И Брежнев поступал так, как ему советовали специалисты. Поэтому все и получилось. Сейчас ничего подобного нет. И тогда собралась очень хорошая

группа философов-социологов-американистов. Но это было позже. А вот в тот период, когда мы с Юрой образовали нашу семью, он занимался социологией, писал книги по социологии.

Так получилось, что к моменту нашей поездки я уже написала книгу, в которой одним из моих героев был как раз выдающийся социолог Роберт Мертон. Так вот – благодаря Юре, который в Гарварде учился у Парсонса и Мертона – и я с этими выдающимися социологами лично познакомилась. Опять-таки, сама я не сделала никаких фотографий или записей. А ведь это все были исторические моменты. И опять было какое-то везение – кто-то фотографии делал! Мертон приехал на Социологический Конгресс в Болгарии и сказал Юре: «Я доживаю последние дни. Я приговорен». Но случилось чудо – и он еще довольно долго прожил. Он потом прислал мне ряд своих работ, которые я (тогда и позже) использовала в работе над социологией науки.

В истории отечественного гегелеведения есть одна крайне важная дата: 1974 год. В этом году в Москве прошел Гегелевский Конгресс. Расскажите, пожалуйста, как он проходил.

В 1974 году на Гегелевский Конгресс к нам приехала целая группа специалистов по немецкой философии! (Об этом также написано в моей книге). Тогда происходило какое-то потепление. И у нас в то время был приличный директор – академик Б.М. Кедров. А заместителем его был Лев Митрохин, очень интересный и талантливый человек, большой друг моего мужа. И вот они позвали на Конгресс 1974 года в Москву не просто немецких гегелеведов, а тех, кто вообще за рубежом занимался немецкой философской классикой. И прибыл в Москву большой «философский» десант. Это все были носители первых имен среди историков немецкой философии, всемирно известные. Потом они стали классиками. Во главе делегации был Дитер Хенрих. Получалось так: они приехали, мы с ними встретились, слушали доклады друг друга, и как-то вышло, что и немцы, и специалисты других стран тоже почувствовали, что им с нами интересно. И они стали нас к себе приглашать. Правда, с поездками было очень туго. Вот, например, я поехала после семилетнего перерыва в Штутгарт. Но ведь к этому времени был опубликован целый ряд совместных работ! Была подготовлена книга, которую позже опубликовали в издательстве Suhrkamp. Это книга, где были помещены наиболее продуктивные работы наших авторов. Могу похвалить себя за то, что подобрала именно этих авторов! Там были Аверинцев, Автономова,

Соловьев, Гайденко и так далее. Одним словом, сплошные философские бриллианты! Сделали мы эту книгу в 1975–76 гг. И тут Теодор Ильич, большой дипломат, мне сказал: если не будет дополнительно сделано что-то особое, то все это не пропустит Отделение философии и права во главе с Иовчуком (да Иовчук и сам попробует туда «внедриться»). Вы, советует он, скажите, что немцы Вам заказали публикации более молодых авторов. Совет был мудрый. И книга имела подзаголовок: «Немецкая философия. 11 работ более молодых советских авторов». Книга вышла в 1986 г., через 10 лет после того, как мы ее сделали. Она имела замечательную прессу; тем более было важно, что это издательство публикует книги известных авторов, например, работы Хабермаса. И когда по ее выходу в Германии вышли одобрительные рецензии, то единственное, насчет чего их авторы недоумевали, так это почему мы «junger» (т.е. «более молодые») авторы. Книга эта получилась очень хорошая. Я просила авторов дать в нее «свое самое лучшее». Прекрасную статью о древнеримской поэзии написал Аверинцев. Очень хороший текст представил Доброхотов, дивная статья там Наташи Автономовой; совершенно бесподобную работу написал Э. Соловьев. И мы потом сделали с немцами еще четыре книги, которые выходили параллельно в Германии и России! Вот такой был исторический прорыв. Мы сейчас с Дитером Хенрихом переписываемся. И недавно он мне написал: «Это была какая-то авантюра... Но она удалась!» Согласна полностью.

Вам как специалисту по немецкой философии необходимо было изыскивать способы получения иностранной литературы. Как Вам удавалось решать эту задачу в советское время?

Были некоторые счастливые обстоятельства, благодаря которым у меня не было проблем с получением новейшей литературы из Германии.

Я достаточно рано была приглашена в Польшу на Феноменологический Конгресс, потому что опубликовала ряд работ по феноменологии. (Одна бытовая деталь: мой муж купил мне за границей платье, на котором была буква «f», но в польском написании. И поляки пошутили, что это «феноменологическое» платье.) Вдруг знакомят меня с пожилым уже человеком. И когда мне его представили, я чуть не лишилась чувств, потому что это оказался Герман Лео Ван Бреда! А Ван Бреда – это известнейший философ, который с большим риском для себя вывез из нацистской Германии архив Гуссерля! Потом вокруг этих материалов создали и лелеяли архив Гуссерля в Лувене. И

когда я с ним познакомилась, он понял мои трудности: ну где я найду оригиналы Гуссерля в России? Он распорядился, чтобы мне присылали Гуссерлиану! Ни у кого в России не было Гуссерлианы, а у меня она уже была! И вот я эти тома один за другим изучала. Правда, когда Ван Бреда умер, его наследники в архиве Лувена отправки книг мне отменили... Но в нужное время, когда в России таких источников не было, мне такие книги порой присылали (правда, они их присылали мне – по моей просьбе – на адрес Института).

А на домашний адрес нельзя было в то время оформить получение книг?

Это могло бы повлечь за собой большие неприятности. Особенно это стало очевидно в 1981 году перед моей поездкой в Германию. Меня ведут, как это было всегда, получать характеристику в райком Партии. Причем в райком Партии нужно было идти независимо от того, состоишь ты в Партии или нет. Но потом меня пригласили еще и в ЦК – к какому-то, видимо, куратору, не знаю, по какому делу. И я чувствую, что он что-то хочет у меня спросить. И, наконец, задает этот вопрос, типично КГБ-шный, конечно. Он меня спрашивает: «Скажите, а Вы на дом никаких книг не получаете?» А я благоразумно их и не получала. Я ему говорю: «Да нет, я ничего не получаю». Он спрашивает: «Это точно?» Я отвечаю: «Совершенно точно, можете на почте проверить». Вот такая была жизнь. Главное: в это время у меня дома уже стояли драгоценные тома Гуссерлианы – и не только Гуссерлианы, но еще и книги из серии «Феноменология»! (Гуссерлиана у меня неполная – гораздо полнее у меня представлено Собрание сочинений Хайдеггера).

Как же Вам удалось обзавестись собранием Хайдеггера?

С сочинениями Хайдеггера получилось так. Был 100-летний юбилей Мартина Хайдеггера, и к нам в Институт приехали замечательные люди, исследователи его творчества (но это уже было, конечно, совсем другое время). Один из гостей – фон Херманн – был некогда ассистентом Хайдеггера, а потом главным лицом по его наследию. Приехав на эту конференцию, он привез и подарил мне несколько книг из наследия Хайдеггера (потом мне были посланы и другие тома). Это тоже была очень интересная и плодотворная для нас встреча. Фон Херманн потом познакомил меня с сыном Хайдеггера.

Позже я приехала во Фрайбург – и там познакомилась с представителями противоположного лагеря, а именно, с теми, кто не прощал

Хайдеггеру его союзы с гитлеровцами. Они писали другие книги. И эти книги я тоже получила и изучила. И с использованием очень разных материалов написала краткую биографию Хайдеггера, в которой и сейчас я не откажусь ни от одного слова. Собственно, после того, как я ее написала и поняла эту жизненно-историческую «механику», «Черные тетради» не стали для меня полным сюрпризом.

Насколько я знаю, Вам довелось побывать в доме М. Хайдеггера. Как Вам удалось это осуществить и как получилось, что Вы заинтересовались творчеством Хайдеггера, одного из самых сложных философов?

Я была в 1994 г. в гостях у старшего сына Мартина Хайдеггера, Йорга Хайдеггера. Как раз в это время я получила премию Фонда Гумбольдта и поехала в Германию. У меня тогда были и выделенные Humboldt-Stiftung средства, чтобы путешествовать по Германии. Ну и мой статус лауреата Фонда Гумбольдта ценился и ценится в этой стране высоко – в отличие, увы, от нашей страны...

Что было очень интересно именно в этом доме сына Хайдеггера – об этом я подробно рассказала в своей книге «Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт». Там есть и рассказ о посещении, вместе с Йоргом, хижины в Шварцвальде, о пребывании в Мескирхе, на родине Хайдеггера. А также немного о том, как меня принимала семья Йорга. Есть фотографии: например, фотография родного дома Хайдеггера, где он родился и жил. Про хижину обычно говорят, что здесь он писал «Бытие и время». Но это не так, о чем мне поведал Йорг: «Писать он уходил вниз, в деревню, потому что в хижине шумели мы, дети». Есть фотография брата Мартина, Фридриха Хайдеггера. Младший брат Фридрих сыграл большую роль в жизни Хайдеггера, потому что он для старшего брата многое переписывал набело – и, в частности, «Черные тетради». Конечно, побыть там, когда тебе открыли дом своими ключами, когда тебя провели по крохотной хижине – это непередаваемые впечатления. А внизу от дома как раз и располагалась деревенька, где Хайдеггер снимал квартиру и спускался в долину писать «Бытие и время». Можете себе представить, какая все это была для меня жизненная удача...

Расскажите, пожалуйста, с кем из западных коллег Вам довелось не только познакомиться, но и остаться друзьями?

Коротко об этом не расскажешь... За продолжительную жизнь, happily включившую в свою орбиту пребывание за рубежом, я по-

бывала и пожила (хотя бы недолго) в разных городах, поработала, например, в разных философских центрах Германии. К счастью для меня, хотя в социально-политическом отношении времена в целом были нелегкие и противоречивые, на них пришлось не только «заморозки» (наподобие нынешних), но и оттепели, когда цивилизованные отношения – и, понятное дело, прежде всего в культуре, науке – брали верх, способствуя продуктивному (думаю, для обеих сторон) сотрудничеству, взаимодействию, взаимопониманию.

Есть еще одна закономерность: в труднейшие времена, когда верх одерживали силы раздора, вражды, нецивилизованности и варварства – люди науки, культуры, как правило, не оказываются в первых рядах этих антицивилизационных сил и поистине страшной «Sonderkommando» уже современного варварства.

Что касается пережитых моими поколениями десятилетий истории, то особая роль истинно философских, научных взаимодействий не дает никаких поводов для сомнений. Это убедительно подтверждается прочностью, устойчивостью межличностных отношений, складывавшихся в прошлые времена истории, скрепляющих цивилизационные взаимодействия.

Так и в моей собственной жизни философией и в философии ни на один миг не пропадали где-то в прошлом дружеские действия, умонастроения, чувства по отношению к целым объединениям философов-специалистов. В частности и в особенности это: немецкие философы (и другие специалисты), с которыми завязывались (надеюсь, взаимные) отношения сотрудничества, подчас теплой дружбы. Это марбургская группа во главе с выдающимся философом, яркой личностью профессором Буркхардом Тушлингом. Вместе с ним мы с начала 90-х годов и до сего времени издавали и издаем уникальное двуязычное, немецко-русское Собрание сочинений Иммануила Канта (в настоящее время опубликовано пять томов в семи книгах; уже издан том 5 (2) с «Метафизикой нравов»). Кроме незабвенного Б. Тушлинга это члены его команды – У. Фогель, Ф. Хеске, Д. Хюнинг (он в последних томах перенял функции руководителя проекта с немецкой стороны, ибо мы планируем продолжение двуязычного издания).

Один из моих самых больших друзей, с которым мы познакомились в Германии – Витторио Хёсле. Правда, сейчас он живет в Америке. Знаменитый и гениальный человек. У него мать итальянка, а отец – немец. Витторио рано и прекрасно развивался, писал о философии, истории философии. У него был еще один талант: в какую бы страну он ни приезжал, он сразу выучивал ее язык.

У Вас было много аспирантов, которые сейчас являются авторитетными и уважаемыми специалистами в разных областях философии. Среди них Юлия Вадимовна Синеокая, Марина Федоровна Быкова, Игорь Анатольевич Михайлов и многие другие. А кто был Вашим первым аспирантом?

Моей первой аспиранткой была Элла Буценице из Риги, Она сейчас – профессор. У этого поколения ребят в Риге были местные преподаватели. Одна из них, моя знакомая, как-то мне сказала: «У нас сейчас особенно одаренные студенты, мы на них просто не нарадуемся». И они стали приглашать преподавателей из других городов. Я была в Риге не однажды (иногда по три месяца); читала систематический курс по феноменологии. У меня до сих пор сохранились использованные в Риге уникальные материалы по этим вопросам (они готовятся к публикации).

Нелли Васильевна, в заключение нашего интервью хотела бы задать последний, но, как мне кажется, важный вопрос. Сейчас все более актуальной становится тема развития философии в советское время. У Вас есть замечательная работа, которую Вы уже упоминали: «Отечественная философия 50-80-х гг. и западная мысль». Это одно из первых основательных исследований философии советского периода. Расскажите, пожалуйста, что побудило Вас написать эту книгу?

Я захотела написать эту книгу, прежде всего, для того, чтобы самой понять, как получилось, что в рамках философского мира России, в котором правили и Украинцевы, и Иовчуки (а были и похуже люди, которые могли на кого угодно написать доносы) – несмотря на них Институт сложился как одно из лучших не только в нашей стране, но и в мире философских учреждений. А ведь в нем – от первого дня, когда я туда пришла, до последнего дня советской власти, была борьба. У нас было по сути дела два Института в одном Институте.

Я очень рада, что написала эту книгу. Однажды в телепередаче, где обсуждали философию советского периода, вдруг появился один молодой человек (как мне потом сказали – блогер). И он повел такую речь: «Мамардашвили был заместителем главного редактора журнала. Значит, он только и делал, что гробил хорошие статьи!» (Я потом заглянула в интернет – у него, оказывается, есть и поклонники.) И решила, что воспроизведу в книге то, что помню. Поколению этого блогера еще надо что-то сделать в философии. А пока им нечего

предъявить. Но при этом он судит Мамардашвили как некоего палача над философией! И тогда я подумала: нужно обстоятельно проанализировать то, что уже было сделано в истории философии России того противоречивого периода. Я подумала: надо опереться на итоги работы других исследователей, отечественных и зарубежных. И сослаться на свои работы. Например, у меня есть очерки о лучших современниках, которых я очень люблю как философов, как ученых, как честных, ответственных людей. Например, когда делали книгу о Владиславе Лекторском, он прочитал мою статью и сказал: «Вот с этой статьи лучше начинать». Я написала подобный же очерк о Наташе Автономовой. И книгу о ней тоже начали с моего очерка. Почему так сложилось – не мне судить.

Недавно я написала книгу об отце Лены Петровской – он работал в МИДе как раз в то время, когда мой муж Юра участвовал во всех этих процессах «разрядки». Я неплохо знала его. Потом посмотрела книгу и подумала – не зря я это написала. Я вообще люблю этот жанр. Писала и о Гусейнове, о Степине и т.д. Я действительно очень глубоко к этим людям отношусь – и не просто потому, что они почти все мои друзья. А.А. Гусейнов написал обо мне в моей книге «Работы разных лет». И догматики-сталинисты боялись нападать на нас, они опасались, что тут же получают отпор, и не от одного человека, а от целой группы.

Оглядываясь на свою жизнь, я не испытываю скорбных чувств. Жить было интересно, работать было возможно. И, самое главное, удалось не сделать что-то важное против своей воли. А что я делала по своей воле, я делала с хорошим настроением. И люди, которые, подобно этому блогеру, считают, что раз была советская эпоха, значит, все надо перемазать черной краской – вот кто мои враги. И, боюсь, немало есть таких. Он сам и отдаленно не знает и не понимает, что говорил Мамардашвили, что он сделал, как он жил в этом государстве. Мамардашвили, между прочим, было труднее многих других, потому что он был, конечно, человек антисоветский. Когда говорят «советские философы», к Мамардашвили это не относится. Какой он советский? И, между прочим, тогда это не было особой проблемой. Вопрос решался сам собой: или ты в философии и умеешь в ней работать, а если нет – делаешь что-то другое.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Мотрошилова Н.В. Мераб Мамардашвили: философские размышления и

личностный опыт. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2007. – 320 с.

Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2010. – 480 с.

Мотрошилова Н.В. Отечественная философия 50–80-х годов XX в. и западная мысль. М.: Академический проект, 2012. – 376 с.

Мотрошилова Н.В. Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт: бытие – время – любовь. М.: Академический проект, 2013. – 526 с.

Nelly Vasilievna Motroshilova

DSc in Philosophy, Chief Research Fellow at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russia. E-mail: motroshilova@yandex.ru.

Nataliya Anatolievna Tatarenko

PhD in Philosophy, Research Fellow at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russia. E-mail: nataliya.koreneva@gmail.com.

Antinomies in Development of Philosophy of the Soviet Period.

Interview with Nelly V. Motroshilova

Summary. This interview with a prominent philosopher Nelly Vasilievna Motroshilova continues the section “Our Interviews” of the Yearbook, that was opened by the interview with A.A. Stoliarov. Nelly Vasilievna Motroshilova – DSc in Philosophy, Professor, Alexander von Humboldt Foundation prize winner, was awarded the Bundesverdienstkreuz am Band (Order of Merit of the Federal Republic of Germany), She is a great scholar of Classical German philosophy and phenomenology, expert on philosophical works and ideas of G.W.F. Hegel, I. Kant, E. Husserl, M. Heidegger, H. Arendt, V. Solov'ev, author of more than 15 monographs. A special place in the N. Motroshilova's area of interests takes the study of interaction between Western and Russian philosophical thought. Among the results of such a research was the book “Russian Philosophy in the 50–80s years of 20th Century and Western Thought” published in 2012. This monograph represents a thorough analysis of contradictory events that took place in philosophy of the Soviet period. This interview is filled with the same spirit of antinomy. Nelly Motroshilova shares memories and thoughts on her postgraduate years; on the Institute of Philosophy; on her foreign philosophical conferences and the related occasions illustrating the situation in the academic philosophical environment of the Soviet Union period; on her colleagues committed to the spirit of philosophy in spite of any obstacles; on the antinomy between the dominant ideology and successful development of philosophical studies in our country. Readers will be able to immerse themselves into the atmosphere of philosophy that took place more than 50 years ago, and experience sorrows and joys that faced philosophers of that time. The interview was conducted by Natalia Tatarenko.

Keywords: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; philosophy of the Soviet period, Hegel studies in the philosophy of the Soviet period; N.V. Motroshilova.

References

Motroshilova, N.V. *Merab Mamardashvili: filosofskie razmyshleniya i lichnostnyi opyt* [Philosophical Speculations and Personal Experience]. Moscow: Kanon+ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 2007. 320 pp.

Motroshilova, N.V. *Tsivilizatsiya i varvarstvo v epokhu globalnykh krizisov* [Civilization and Barbarism in an Epoch of Global Crises]. Moscow: Kanon+ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 2010. 480 pp.

Motroshilova, N.V. *Otechestvennaya filosofiya 50–80-h godov XX v. i zapadnaya mysl* [Russian Philosophy in the 50–80s years of 20th Century and Western Thought]. Moscow: M.: Akademicheskii proekt Publ., 2012. 376 pp.

Motroshilova, N.V. *Martin Heidegger i Hanna Arendt: bytie – vremya – lyubov* [Martin Heidegger and Hannah Arendt: Being, Time, Love]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2013. 526 pp.